

согласен идти войной на неверных, то будет он освобожден из заточения и дружина его к нему вернется.

Когда сэра Тристрам прочитал письма, он сказал гонцу так:

– А, король Марк, всегда ты был предателем, предателем и останешься! Но ты, гонец, – сказал сэра Тристрам, – ты скажи королю Марку так: раз папа римский послал за ним, пусть он сам туда и отправится. Ибо, скажи ему, раз он такой предатель, я не стану воевать под его началом. Удастся мне выйти из этой темницы, так когда-нибудь и выйду, ибо вижу я, что отлично награжден за мою верную службу.

Вот возвратился гонец к королю Марку и передал ему ответ сэра Тристрама.

– Ладно, – говорит король Марк, – все равно я его перехитрю.

И он поспешил к себе в покои и составил новые подложные письма, а в них значилось, будто папа желает, чтобы сэра Тристрам сам прибыл для войны с неверными.

Вот снова пришел гонец к сэру Тристраму и подал ему письма, а сэра Тристрам увидел, что это подделка короля Марка, и сказал:

– А, король Марк! Всегда ты был коварен, таким, и останешься до конца!

И снова возвратился гонец от сэра Тристрама к королю Марку. А в это время явились в замок Тинтагиль четыре раненых рыцаря, у одного из них шея была едва что не пополам переломана, у другого рука едва не напрочь отрублена, третий был пронзен копьем, а у четвертого бедро рассечено надвое.

И, явившись к королю Марку, они вскричали так:

– Король, отчего ты не спасаешься бегством? Ведь вся страна открыто поднялась против тебя!

Пришел король Марк в безмерную ярость.

А между тем прибыл в ту страну сэра Персиваль Уэльский, разыскивавший сэра Тристрама. И когда сэра Персиваль услышал, что сэра Тристрам заключен в темницу, он сразу же, как настоящий рыцарь, его освободил. И когда он очутился на воле, он приветствовал сэра Персиваля, и они оба от души обрадовались встрече. И сказал сэру Персивалю сэра Тристрам:

– Если вы повремените покинуть здешние края, то я поеду вместе с вами.

– Нет, – отвечал сэра Персиваль, – в этих местах задерживаться мне невозможно, ибо я должен быть в Уэльсе.

И вот сэра Персиваль простился с сэром Тристрамом и поехал прямо к королю Марку и ему объявил, что вызволил сэра Тристрама из заточения. И еще он сказал королю, что тот покрыл себя великим позором, заключив в темницу сэра Тристрама.

– Ибо он – один из самых почитаемых рыцарей на свете, и знайте, что все благородные рыцари мира любят сэра Тристрама. И если он пойдет на вас войной, тогда вам не устоять!

– Это правда, – сказал король Марк, – но я не могу любить сэра Тристрама, потому что он любит мою королеву Изольду Прекрасную.

– А, позор вам! – сказал сэра Персиваль. – Впредь никогда больше не говорите так! Ибо разве вы не родной дядя сэру Тристраму? Про своего же племянника и про столь благородного рыцаря, как сэра Тристрам, не должно вам думать, что он так себя уронит, что возьмет жену своего дяди. Однако, – сказал сэра Персиваль, – он может любить вашу королеву безгрешно, ибо ее почитают одной из прекраснейших дам в мире.

И с тем сэра Персиваль простился с королем Марком, но тот задумал еще большее предательство, хотя и посулился сэру Персивалю никогда более и ничем не вредить сэру Тристраму.

Послал король Марк к сэру Динасу-Сенешалю с повелением успокоить всех людей, которых он поднял, ибо он, король, дает ему клятву, что вскоре отправится к папе римскому для войны с неверными.

– А это будет, я думаю, война справедливее, нежели вот так подымать народ против своего короля.

Услышавши о войне с неверными, сэра Динас со всею возможной поспешностью распустил восставших. Когда же все его люди разошлись по домам, тут король Марк, выследив, где находился сэра Тристрам с Прекрасной Изольдой, велел схватить его предательски и бросить в темницу, вопреки обещанию, что дал он сэру Персивалю.

Когда узнала королева Изольда, что сэра Тристрам опять в заточении, она убивалась прегорестно, как еще не убивалась ни одна королева, ни благородная лама. А сэра Тристрам вскоре при-